

ИСТОРИЯ

Надежда Оскаровна БЛЕЙХ¹

УДК 37.013

ЭВОЛЮЦИЯ РАТНОГО МАСТЕРСТВА У СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ (VI-XIX ВВ.)

¹ доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы,
факультет социологии и социальной работы,
Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация

В данной публикации представлен начальный этап становления боевого мастерства, имеющего место быть у этнических групп Северного Кавказа. Хронология прослеживается от VI до XIX в. В ней говорится о специфике формирования воинского умения у кочевых народов края. Особый акцент поставлен на военной истории этногенеза горских этносов, анализе внешних и внутренних причин совершенствования у них боевого искусства. К таковым относились как внешние (географическая среда), так и внутренние (воспитание, образ жизни, традиции и обычаи) факторы. Основу генезиса боевого мастерства заложили скифы, перевоплотившиеся в сарматов. Последние, в свою очередь, передали профессионализм ратного дела аланам (осетинам) и другим кавказцам, которые развили воинскую мудрость, нашедшую свое применение в дальнейших войнах за свою свободу и независимость.

На основе малоизученных документов делаются выводы, что вся история становления и развития северокавказских этносов была проникнута воинским духом, тесно сплетаясь с ратной умелостью, что не могло не наложить отпечаток на мировосприятие автохтонов,

---

Цитирование: Блейх Н. О. Эволюция ратного мастерства у северокавказских народов (VI-XIX вв.) / Н. О. Блейх // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 1. С. 129-141.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-129-141

на их материальную и духовную культуру, доставшуюся им в наследство от кочевых племен сарматов и алан. Но военное мастерство с присущими ему чертами, складывающееся и оттачивающееся веками, не ушло в забвение, оно только видоизменилось. Примером служит то обстоятельство, что все северокавказские этносы, связав судьбу свою с русским народом, принимали впоследствии самое активное участие в войнах России, защищая тем самым интересы общей Родины.

Ключевые слова

Северный Кавказ, боевое искусство, военное ремесло, горские народы, скифы, сарматы, аланы, осетины.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-129-141

Введение

Известно, что судьбы любых народов во всех областях своего существования находятся в непосредственной взаимосвязи со средой их обитания, которая не всегда является стабильной. Особенно часто она подвергается изменениям в исторические эпохи непрерывного передела территорий, за которые ведется ожесточенная борьба. В эти беспокойные времена этносы вынуждены адаптироваться и подчиняться тем правилам, в которых они оказались под воздействием внешних условий. В данном ракурсе все насельники Северного Кавказа подвергались тяжелому военному испытанию многие столетия, т. к. в первую очередь становились объектом нападений многих завоевателей, таких как Тимур, Батый и др.

Постоянная необходимость в защите своей земли побуждала горцев подчинить целиком и полностью свой жизненный уклад военному ремеслу, что, естественно, сказывалось на их мировосприятии, отразившемся на материальной и духовной культуре. Горец не мыслился без войны и военных набегов. А для того, чтобы составить представление о сущности средневекового воинского искусства насельников Кавказа, следует заглянуть вглубь истории этногенеза этих народов, разобраться в том, как оно формировалось, что послужило его основой и питательной средой в средневековую эпоху. В этом нам помогут нарративы путешественников. Среди них труды Аристотеля, Геродота, Прокопия (из Кесари), Филарха, Флавия и др.

Не меньшую роль в изучении ранней истории скифов и алан оказали работы академиков И. А. Гюльденштедта, В. Ф. Миллера, Г. Ю. Клапрота, Л. Л. Штедера и др. Развитием военного искусства у кавказских народов занимались В. И. Абаев, Р. С. Бзаров, Ф. Х. Гутнов, С. А. Белокуров, В. А. Кузнецов, В. С. Уарзиати и т. д. Особый пласт исследований занимают работы иностранных ученых [17-20 и др.]. Однако все вышеперечисленные авторы, затрагивая военную историю алан, не делали акцент на истоках становления боевой доблести кавказских этносов. В нынешних условиях переоценки ценностей, особенно в сфере межэтнических взаимоотношений, правдивое освещение прошлого поможет найти верные пути решения для современных политиков, а потому тема, избранная нами для рассмотрения, будет иметь свою целесообразность.

Методы исследования

Публикация базируется на принципах историзма, системности, объективности, что допускает анализ событий и фактов прошлых лет в определенных исторических обстоятельствах по ходу их развития в хронологической выдержанности.

Результаты и обсуждение

Сразу отметим, что этногенез средневекового ратного искусства горских обществ базировался не только на внутренних обстоятельствах общеисторического процесса, но также опирался и на внешние условия. Одним из них был геополитический, т. к. Северный Кавказ всегда ассоциировался с неизменными миграционными процессами. Уникальность рельефа и локация края оказали решающее воздействие на формирование этнической структуры: с одной стороны, обособленность горных долин наложила отпечаток на замкнутость аборигенных обществ и разобщенность их между собой, а с другой — край всегда гостеприимно принимал изгнанников, что способствовало его росту.

История северокавказского военного искусства началась с пришествием в край кочевых скифских племен (VI в.), выходцев из Средней Азии. Здесь они основали скифское царство (государство). По имеющимся документам видно, как скифы виртуозно владели двумя важными для той поры искусствами: наездничеством и обработкой металлов (о чем свидетельствуют огромные погребальные конструкции скифских вождей, в которых были обнаружены наконечники стрел, фрагменты конской узды, оружие, оселки). Этот факт свидетельствует о том, что весь скифский уклад был пропитан склонностью к войне и боевым искусствам, присущим их уровню социального развития. Скифское общество являло собой ту ступень военной демократии, на которой война представляла собой основное средство производства.

Скифское войско по своей организационной структуре более всего походило на армии азиатов. Вооруженные силы по мере необходимости набирались главным военачальником — царем. По сообщению историка Плиния, скифская конница была самая лучшая и имела в бою первостепенное значение. «Лошади у скифов были хотя и невелики, — рассказывает путешественник Страбон, — но очень горячи и неукротимы»; у Геродота упоминается скифская пехота, выставленная против персов [7, с. 23, 28, 112].

Однако в составе скифского войска центральное место отводилось конным лучникам, а лишь потом — пешим копейщикам. Боевая дислокация имела следующую структуру: в центре полка во главе конницы стоял сам царь, а по правому и левому флангу распределялись остальные отряды. При такой диспозиции приказы и донесения доставлялись быстрее. Этот факт отмечал Геродот, говоря так: «Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого» [6, с. 198].

Истоки такой боевой доблести надо искать в военизированном скифском воспитании, представленном в их духовной культуре, которая благодаря нарративам

древних историков (Геродота, Аристотеля, Филарха) и путешественников (Флавия, Анобия и др.) дошла до наших дней. По их единодушным описаниям, наивысшей доблестью скифов было разгромное поражение неприятеля. Так, согласно описаниям Анобия, «царю приносятся скальпы всех врагов, погибших в бою, так как только под таким требованием доставления скальпа недруга на всеобщее обозрение скифу отводится часть захваченной добычи. В противном случае скифы ничего не получают» [9, с. 45]. Эти обычаи воспитывали доблесть воина, наполняли его чувством выполненного воинского долга. Благодаря таким нравственным императивам скифское царство в IV в. до н. э. достигло пика своего могущества и единства. Однако начиная с III в. до н. э. оно начинает сдавать свои позиции. Этим обстоятельством воспользовались родственные скифам ираноязычные племенные союзы — сарматы, уроженцы степных районов Приуралья и Прикаспия. Вскоре Скифия получила название Сарматия. Римский историк Плиний писал, что «имя скифов повсюду переходит в имя сарматов» [20, с. 363].

В основе хозяйства сарматов лежало кочевое скотоводство. Жилище представляло собой войлочную кибитку, удобную во время перекочевки. Ее перевозили на шести колесных повозках. В случае нападения из них быстро сооружали круговое укрепление. Сарматы не только умело пользовались луками и стрелами, но и к тому же виртуозно владели мечами и пиками, что давало им преимущество в рукопашных боях. «Противостоять удару закованных в железо всадников-катафрактариев не могли даже римляне. Не было спасения от их натиска в укрепленных поселках, жизнь в которых с приходом сарматов прекращалась» [10, с. 44].

Так, например, в подтверждение этого факта греческим писателем Лукианом Самосатским (II в. н. э.) описывается, как «вдруг напали... сарматы в числе десяти тысяч всадников, а пеших... явилось втрое больше того. А так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми» [10, с. 45].

В первом тысячелетии сарматы, в свою очередь, стали объединять родственные по происхождению сообщества. Среди них основное ядро составили аланы, которые продолжили военное ремесло своих предшественников, существенно развив его. На этот факт обращали внимание все историки того времени, которые, говоря о сарматах, в их среде уже выделяли алан, упоминая их воинственность, боевое мастерство и эффективность их тяжелой кавалерии. В частности, их конница, называемая «катафракта» или «контария», в эпохи античности и средневековья оказывала огромное влияние на военную историю мировых цивилизаций.

Аланы (в дальнейшем именуемые как осетины) сохранили скифский язык, культуру, искусство. Они уже в I в. н. э., объединив родственные ираноязычные сарматские племена в единый аланский союз, показали себя на историческом поприще как неподвластная сила, играющая доминирующую роль в военной ситуации не только в северокавказском крае, но и фронтальных с ним землях. Аланские племена расположились почти на всей Предкавказской низменности, оттеснив автохтонных насельников в гористую местность. Путешественник П. Кесарийский отмечал, что все земли, простирающиеся от Кавказа до Каспия,

занимали аланы [12, с. 56]. В реальности же аланские территории раскинулись намного дальше: на востоке Аланское царство соприкасалось с Хазарским каганатом, а на севере граничило с Половецкой степью. Аланский племенной союз сразу же заявил о себе как о крупной непримиримой военно-политической силе, сложившейся на Северном Кавказе.

Известно, что еще в 35-36 гг. аланы принимают активное участие в иберо-парфянской войне как союзники иберов, что производит серьезный эффект на современников событий. Но самым опустошительным было повторное вторжение алан в Закавказье в 72 г. Сильнейшему разорению подверглась Армения и северная Мидия. Властителем Армении в это время являлся Тиридат I. Собрал огромное войско, он сразился с аланами и проиграл. Иностранец исследователь Кавказа Дж. Карпентер (J. Charpentier) акцентировал внимание на том, что «аланы, разгоряченные битвой, разорили Армению и возвратились домой с огромным количеством добычи и плененных от обоих царств» [19, с. 234]. Этот факт явился самым значимым событием на заре становления военной истории алан.

Кроме того, по источникам римских историков, дошедшим до нас, указывается, что в восточноримской и западноримской армиях аланские военачальники занимали достаточно высокие посты, играя большую роль в том числе в политической жизни Рима и Византии. «Военные знания алан весьма значительны и становятся предметом заимствования римской армией», — считает профессор В. А. Кузнецов [11, с. 45].

Воинская служба, которую несли аланы в Римской и Византийской армиях, играла положительную роль в развитии кавалерии, ибо они привнесли и в дальнейшем развили самые лучшие кавалерийские качества у римской конницы, вскоре ставшие предметом мировой гордости. Высшим критерием (мерилом) оценки наезднических способностей императора стало сравнение его с аланами и гуннами.

Крупное переселение народов наложило отпечаток и на те аланские племена, что обосновались на Кавказе. После гуннского нашествия (V в.) у них наиболее интенсивно начинает формироваться своя народность. Если в воспоминаниях путешественников до V в. аланские племена предстают кочевниками, то в означенное время они уже становятся оседлыми, что связано с ассимиляцией их с кавказским этнокультурным сообществом. Этот процесс привел в итоге к появлению новой нации — осетин [9, с. 78].

В VI в. северокавказские аланы-осетины участвовали в длительных ирано-византийских войнах, в которых они принимали участие то на стороне Ирана, то Византии. Ирано-византийские войны не прошли бесследно для военного дела алан. Накопление знаний в воинском ремесле в дальнейшем сыграло значительную роль в борьбе с арабской экспансией. Одновременно с участием в ирано-византийских войнах аланам приходилось отражать нападения тюркских племен на собственной территории.

В IX-XII в. у алан-осетин появляется свое государство, просуществовавшее до монгольского вторжения. На это время приходится его расцвет. Столицей ста-

новится город Магас. Неизвестный автор XI в. дает такое описание: «...аланское государство является страной, полной всяческих благ. В ней есть много золота, благородных коней и закаленного кровью стального оружия» [18, с. 6-7]. Данное сообщение явно характеризует культуру феодально-аристократической верхушки и военно-дружинной прослойки. Этот факт также подтвержден многочисленными захоронениями.

Самыми известными погребениями, принадлежащими воинам-кочевникам, являются захоронения недалеко от станиц Мартанчу и Фельдмаршальской (Чечено-Ингушетия), в селениях Чми, Балта, Кобан (Северная Осетия), Песчанка (Кабардино-Балкария), Мокрая балка и Эшкакон недалеко от города Кисловодска. Они интересны тем, что большинство воинов, в них находящихся, захоронено с оружием: однолезвийными палашами или саблями, поясными наборами, стрелами. Там же имеются кости коней, т. к. воинов всегда хоронили с животными, чтобы и на том свете они также с честью могли служить своим хозяевам.

Судя по найденным артефактам, воины и кони были хорошо экипированы и отвечали последним требованиям своего времени. Общение и сотрудничество с хазарами, напряженная борьба с арабами способствовали подъему военного дела и быстрому распространению у алан новейших образцов вооружения, таких как изогнутая стальная сабля, седло жесткой конструкции с луком, стремяна [3].

Экономическое процветание Алании усилило к ней внимание со стороны сопредельных стран и в первую очередь Византии. Под ее влиянием в период с конца IX по первую половину X в. происходит ряд войн между Аланией и Хазарией. При этом поддерживаются дружеские отношения с Византией, которые значительно усиливаются в начале X в. (914 г.) в связи с принятием Аланией христианской религии. Из страны набираются отряды в состав византийской армии, где аланы проявляют себя отличными воинами (битвы при Манцикерте, Никодимии, Филипполе и др.). В эти же годы Алания становится союзником и Грузии. Ее воины участвуют в походе на Гандзу.

Военную мощь Алании X-XII в. многократно отмечали все свидетели событий того времени. Античные авторы, описывая воинский профессионализм и боевую доблесть алан, акцентировали внимание на их личностных качествах (суровость, дикость, воинственность, пылкость). Воспевали их храбрость, отдавая должное их боевой мощи, связывая ее напрямую с высоким воинским профессионализмом, который не могли не ценить и с которым считались все стратеги древности.

Однако этот военный профессионализм не смог уберечь Великую Аланию от распада. К XII в. из-за дворянских междоусобиц она начала дробиться на мелкие княжества. Этот факт описал монах Юлиан: «...в стране происходят вооруженные конфликты как между владетелями, так и их подчиненными за земли. Поэтому местные общества вынуждены выходить на сельские работы вооруженными и постоянно быть начеку» [8, с. 243].

Эту феодальную раздробленность, существенно подорвавшую военную структуру государственного устройства Алании, не могли не заметить дальние соседи алан-осетин — азиатские кочевники. На Курултае в 1235 г. чингисиды

постановили о начале завоевательного похода на далекий Запад, дабы «обрушить триумфальный меч на головы предводителей русских и ясских за то, что они посмели состязаться в боевом искусстве и оказали сопротивление», о чем свидетельствует персидский историк Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази, также известный как Вассаф [14, л. 3-4].

Перейдя Шерванскую стремнину, татары оказались на территории Северного Кавказа. Встретившись в вооруженной схватке с лезгинами, они перебили их и оказались на землях алан, но последние оказали им мощное сопротивление. Тогда татары прибегли к хитрости, уговорив союзников алан — кипчаков не идти против них. Несмотря на военную доблесть алан, преданные своими недавними союзниками, они были разбиты. Этот эпизод запечатлен в нарративах араба Ибн-аль-Асира, который красочно и скрупулезно описывал поражение алан и последовавшие за тем бесчинства и грабежи [1, л. 67].

Однако нужно отдать должное победителям, которые всегда уважали мужество своих соперников. Высшее командование справедливо отметило боевую доблесть алан-осетин и стратегическую мудрость их военачальников. Они с большой выгодой для себя заключили с некоторыми аланскими вождями военный союз, в результате которого аланская кавалерия стала принимать участие в военных операциях монгольских ханов. Но основная часть аланских воинов все же продолжила сопротивление. Гильом де Рубрук, совершивший в 1253-1255 гг. вояж в столичный град монголов — Каракорум, был удивлен и поражен тем, что ясы до сих пор не прекратили своего сопротивления и не хотели сдаваться на милость победителей, чем сильно озадачивали последних. «Аланы на этих горах все еще не покорены, — писал Рубрук. — Так что из каждого десятка людей Сартаха (сын и преемник хана Бату) двоим надлежало караулить ущелье, чтобы аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине...» [13, с. 169].

Менгу-Тимур (1266-1280), преемник Берке-хана, решил покончить с сопротивлением алан, которые все еще сохранили свою независимость. Он собрал войска и направил их в Аланию. Славный ясский город Деяков был взят штурмом 8 февраля 1278 г.

Монгольское иго серьезно подорвало экономическое и военное могущество Алании, ее этническая территория значительно уменьшилась. Были безвозвратно утрачены многие памятники скифо-аланской культуры. Сам народ вынужден был переселиться в горы. «Государство Алания фактически перестало существовать, однако оставшиеся в живых его жители долгое время продолжали сопротивление и часто предпринимали дерзкие набеги на посты неприятеля» [20, с. 320]. Лишь после включения Осетии в Российскую империю (1774 г.) народ смог вернуться на прежнее место обитания — равнину Предкавказья.

Еще не успела зарубцеваться рана, нанесенная кавказскому народу татарами, как в 1395 г. край снова претерпел опустошительный погром от войска азиатского эмира Тимура (Тамерлана) (1336-1405), который незадолго до этого нанес значительный урон Золотой Орде. Последняя также потерпела поражение от русичей на Куликовом поле и стала дробиться на племенные объединения. Одним из них стала Ногайская орда, вобравшая в себя, наравне с ногайцами, часть по-

ловецких союзов, которые кочевали по территориям Северного Кавказа. Доминирование у ногайцев в языке тюркского элемента обусловило лучшую адаптацию монголов.

XVI-XVIII вв. принесли новые испытания горцам Северного Кавказа. В это время край становится конструктом непрекращающейся экспансии султанской Турции и Крымского ханства. От вторжений последнего чаще всего претерпевали страдания черкесские и кабардинские общества, занимавшие равнинные земли и вынужденные покупать свободу и суверенность тяжелой данью, откупаясь нередко «живым товаром» — своими дочерьми, сестрами, женами. Естественно, что турецко-иранская агрессия приводила к крайне напряженному положению в крае. В поисках поддержки в борьбе с крымцами адыгские владельцы в середине XVI в. обратили свои взоры на Московское государство, границы которого к той поре придвинулись уже к Северному Предкавказью. На протяжении 1554-1557 гг. российское подданство приняло большинство адыгов, балкарцев, карачаевцев, абазин. Одновременно с северокавказскими аборигенами в состав Российской империи в 1574 г. вошли и ногайские племена.

Обозначившиеся в XVI в. связи народов Северного Кавказа с Россией в последующем веке оказались прерваны вследствие ослабления Московского княжества в период Смутного времени и были вновь возобновлены только ко второй половине XVIII в. К этому времени пределы Русского государства простерлись к границам Северного Кавказа. Встал вопрос о том, под чью юрисдикцию пойдет край, чьи знамена изберут горцы. Кавказская проблема становится одной из ключевых в международной политике, т. к. помимо России, Турции и Персии на северокавказский регион стали претендовать Англия и Франция. Горцы поднялись на борьбу с иноземными захватчиками, надеясь на помощь России. Война становится неизбежной [18, с. 10-11].

В сентябре 1768 г. под нажимом Франции Блистательная Порта объявила войну России. Боевые действия начались в 1769 г. одновременно на Балканах, в Подолии, в Приазовье и на Кавказе. В то же время османы, прикрываясь религиозными лозунгами войны с неверными, пытались привлечь на свою сторону кавказские племена и подготовить из них силу против русских. Для чего султан апеллировал ко всем мусульманам края с призывом быть послушными, покорными и всячески оказывать помощь войскам Крыма и Турции. По его указу на Северный Кавказ были отправлены агитаторы и эмиссары. Однако, несмотря на ведущуюся пропаганду, османам не удалось посеять среди большинства горцев антирусские настроения.

Основной причиной фиаско султанской политики стало нежелание населения края поддержать ее. В одном из документов того времени говорилось: «Черный люд о подданстве Крыму и слышать не желал» [14, л. 4]. Напротив, горские народы изъявили желание встать под российский флаг. В большинстве случаев кабардинские князья сохраняли верность Империи. Только некоторые из них, такие как Мирхо Бамат, Гайто Кайтуко, Джамбулат Бейтуганов и др., были настроены протурецки. «Зато простые люди, — доносил толмач-пере-

водчик, — ясно говорят, что ежели Кабарда покорится крымскому хану, они все против этого передадутся под протекторат России» [15, с. 14]. На протяжении всей русско-турецкой войны (1768-1774) аккультурации с империей добивались и осетины.

Народы Северного Кавказа не только словами, но и делами всячески старались доказать свою преданность Российской империи. Они оказывали посильную помощь русским войскам. О военных подвигах горцев ходили легенды, например, о том, как при содействии ногайцев русские войска овладели крепостью Копыл, как совместно с Кубанским казачьим корпусом проявляли чудеса храбрости на поле брани чеченские отряды, как ингушское ополчение в составе грузинской армии активно участвовало в боевых действиях в Закавказье. Осетины, вставши под российские знамена, заслужили хвалебные референции о ратных подвигах. Известный генерал И. Тутолмин считал за честь знакомство с осетинами, которые под османскими пулями заслужили его огромное уважение [16, л. 13]. О воинской доблести осетин и других горцев говорили генералы М. Скобелев, П. Паренсов, писал полковник А. Берс и др. Художник М. С. Туганов отмечал, что горцы показывали чудеса храбрости не только в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., но также и в японской, и в первой мировой войне. «Секрет храбрости горцев на войне состоит в том, что к этому их с детства готовила история их жизни», — делает вывод А. Туганов [4, с. 181].

Испытав разгром в 1774 г., Порты вынуждена была ратифицировать мирный договор, по которому Крым признавался вольным и автономным от любой власти. К Российскому государству отходили земли Азова, крепости Керчь и Еникале, а также зона между Бугом и Днепром. Таким образом, народы Северного Кавказа получили возможность для самоопределения. И буквально в течение нескольких десятилетий все горцы выразили желание присоединиться к России. Вскоре Северный Кавказ официально был включен в состав Российского государства, что сыграло весьма положительную роль для духовного и материального развития его народов.

Добровольное вхождение Северного Кавказа в Россию принесло народам освобождение. Оно навсегда оградило их от грабительских нападений извне и положило конец посягательствам Турции и Ирана, что позволило горцам перейти к мирной трудовой жизни. На этот факт указывал профессор С. А. Белокуров, когда писал, что «на пути к нынешней цивилизации горцы Северного Кавказа испытали немало драматизма. Эти времена были героическими» [2, с. 222].

Конечно, многое переменилось с той поры. Горцам уже не надо было бесконечно браться за оружие и совершать бранные подвиги, они перешли к мирной жизни. Но складывающееся и оттачивающееся веками военное мастерство с присущими ему чертами не ушло в забвение, оно только видоизменилось. Примером служит то обстоятельство, что все северокавказские этносы, связав судьбу свою с русским народом, принимали впоследствии самое активное участие в войнах России, защищая тем самым интересы общей Родины.

Заключение

Как видим, испокон веков образ жизни северокавказских народов и их характер не были постоянными, каждый раз изменяясь под влиянием различных факторов, особенно в исторические периоды непрерывной сегрегации земель и упорной борьбы за место под солнцем. Таким образом, нация вынуждена адаптироваться и подчиняться тем правилам, которые установились под прессингом внешних обстоятельств. В этом ракурсе народы Северного Кавказа претерпели тяжелое испытание временем, затянувшееся на многие столетия, т. к. беспрестанно становились объектом агрессии многих завоевателей.

Постоянная необходимость в защите своей земли заставила овладеть военным ремеслом, что наложило отпечаток на характер горцев, на их менталитет. Именно в таких условиях возникла острая необходимость в совершенствовании боевого искусства, и потому вся духовная и материальная культура населения края вплоть до XIX в. держалась на военизированной основе и была пропитана воинским духом и ратным мастерством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161/4. Д. 34. Л. 67-72.
2. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом / С. А. Белокуров. М., 1889. Кн. 3. 365 с.
3. Блейх Н. О. Основы материальной культуры горцев военного времени (оружие и оборонительные сооружения) / Н. О. Блейх // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 455-460. DOI: 10.7256/2222-1972.2016.4.19644
4. Блейх Н. О. Причины возникновения и трансформации военной демократии у народов Северного Кавказа / Н. О. Блейх // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 181-189. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.19705
5. Вахушти Багратиони. География Грузии / Царевич Вахушти (Багратиони) // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. 243 с.
6. Геродот. История в девяти книгах / Геродот; пер. и примеч. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. Н. А. Мещерский. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. 600 с.
7. Древний Кавказ. Воспоминания путешественников. М., 1834. 634 с.
8. Известия венгерских проповедников XIII-XIV веков о Восточной Европе и татарах // Исторический архив. М.; Л., 1940. Том 3. 412 с.
9. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года: учеб. пособие для вузов / под ред. А. И. Нарезного, Н. В. Самариной. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2001. 464 с.
10. Клычников Ю. Ю. История народов Северного Кавказа / Ю. Ю. Клычников. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2013. 125 с.
11. Кузнецов В. А. Алалия в X-XIII вв. / В. А. Кузнецов. Орджоникидзе: Ир, 1971. 252 с.

12. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Прокопий из Кесарии; пер. с греч. С. П. Кондратьева; вступ. статья З. В. Удальцовой. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 516 с.
13. Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука / ред., вступ. статья и примеч. Н. П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1406. Д. 12. Л. 3-4.
15. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 6. Д. 12/23. Л. 14.
16. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания. Ф. 56. Д. 265. Л. 13.
17. Bim V. History of the ancient Caucasus / V. Bim. Vancouver, 2010. P. 56.
18. Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen / R. Bleichsteiner // Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient. Wien: Verlag des Institutes, 1918. Bd. 2.
19. Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer / J. Charpentier // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1917. Vol. 71. No 4. Pp. 347-388.
20. Montpéreux F. D. de. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée / F. D. de Montpéreux. Paris: Librairie de Gide, 1840. Tome IV. 562 p.

Nadezhda O. BLEIKH¹

UDC 37.013

**EVOLUTION OF MARTIAL ARTS AMONG
THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES (16th-19th CENTURIES)**

¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of Social Work, Faculty of Sociology and Social Work,
North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz)
nadezhda-blejikh@mail.ru

Abstract

This article deals with the unique formation of martial arts, which existed among the ethnic groups of the North Caucasus until the 19th century. It refers to the specifics of the military skills formation of the nomadic peoples of the region. Special emphasis is placed on the military history of ethnogenesis of mountain ethnic groups, the analysis of external and internal reasons for the improvement of their martial art. These included both external (geographical environment) and internal (education, lifestyle, traditions, and customs) factors. The Scythians, reincarnated in the Sarmatians, laid the basis of the formation of combat skills. The latter, in turn, transferred the professionalism of the military arts to the Alans (the Ossetians) and other Caucasians, who developed military wisdom, which found its application in further wars for their freedom and independence.

On the basis of the little-studied documents, it is concluded that the whole history of the formation and the development of the North Caucasian ethnic groups was imbued with the military spirit, closely intertwined with military skills, which could not but leave an imprint on the worldview of the autochthons, on their material and spiritual culture, inherited from the nomadic tribes of the Sarmatians and the Alans. But military prowess with its inherent features, developing and perfecting for centuries, has not gone into oblivion, it has only changed. A good example is the fact that all North Caucasian ethnic groups, having joined Russia, subsequently took an active part in the wars of Russia, thereby protecting the interests of the common homeland.

Citation: Bleikh N. O. 2019. "Evolution of martial arts among the North Caucasian peoples (16th-19th centuries)". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 1, pp. 129-141.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-129-141

Keywords

North Caucasus, martial arts, military craft, mountain peoples, Scythians, Sarmatians, Alans, Ossetians.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-129-141

REFERENCES

1. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 161/4. D. 34. L. 67-72. [In Russian]
2. Belokurov S. A. 1889. Russia's Relations with the Caucasus, book 3. Moscow. [In Russian]
3. Bleikh N. O. 2016. "Fundamentals of material culture of the mountaineers of the wartime (weapons and defenses)". History magazine: Researches, no 4, pp. 455-460. DOI: 10.7256/2222-1972.2016.4.19644 [In Russian]
4. Bleikh N. O. 2016. "The causes of the emergence and transformation of military democracy among the peoples of the North Caucasus". Genesis: istoricheskiye issledovaniya, no 5, pp. 181-189. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.19705 [In Russian]
5. Vakhushti of Kartli. 1904. Geography of Georgia, book 24, vol. 5. Tbilisi: Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. [In Russian]
6. Herodotus. 1972. History in 9 vols. Translated and commented by G. A. Stratanovskiy, edited by S. L. Utchenko, N. A. Mescherskiy. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye. [In Russian]
7. Ancient Caucasus. Memories of Travellers. 1834. Moscow. [In Russian]
8. News of Hungarian preachers of the 13th-14th centuries about Eastern Europe and the Tatars. 1940. In: Historical Archive, vol. 3. Moscow, Leningrad. [In Russian]
9. Narezhny A. I., Samarina N. V. (eds.). 2001. The History of the Don and the North Caucasus from Ancient Times to 1917: Manual. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta. [In Russian]
10. Klychnikov Yu. Yu. 2013. The History of the Peoples of the North Caucasus. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. [In Russian]
11. Kuznetsov V. A. 1971. Alanya in the 10th-13th Centuries. Ordzhonikidze: Ir. [In Russian]
12. Procopius from Caesarea. 1950. The War with the Goths. Translated from Greek by S. P. Kondratyev, introduction by Z. V. Udaltsova. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. [In Russian]
13. Shastina N.P. (ed.). 1957. Travel to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck. Moscow: Geografiz. [In Russian]
14. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1406. D. 12. L. 3-4. [In Russian]
15. Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic. F. 6. D. 12/23. L. 14. [In Russian]
16. Central State Archive of the Republic of North Ossetia — Alanya. F. 56. D. 265. L. 13. [In Russian]
17. Bim V. 2010. History of the Ancient Caucasus, p. 56. Vancouver.
18. Bleichsteiner R. 1918. "Das Volk der Alanen". In: Berichte des Forschungsinstitutes für Osten und Orient, vol. 2. Wien: Verlag des Institutes. [In German]
19. Charpentier J. 1917. "Die ethnographische Stellung der Tocharer". Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, vol. 71, no 4, pp. 347-388. [In German]
20. Montpéroux F. D. de. 1840. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, vol. 4. Paris: Librairie de Gide. [In French]